

Владимир Игоревич Карпец –
член Союза писателей России, кандидат
юридических наук

Дониконовское Слово и современная физика

Культурный код русского древлеправославия*

В советские времена повторяли, что «наука партийна». Это, конечно, крайне примитивно, но за этой примитивностью скрывается важнейшее обстоятельство: всякая наука не только подчинена, но и служит той или иной метафизике. А метафизика – по ту сторону не только науки, но даже и «позитивной религии». В книге «Феномен старообрядчества» известный церковный историк Борис Кутузов приводит любопытное наблюдение. Говоря о «никоновских справщиках» – греках и не только, – он разъясняет: «В процессе правки были изменены некоторые правила перевода с греческого языка, так аорист, видовременную форму глагола, соответствующую по большей части русскому прошедшему времени совершенного вида, стали неоправданно переводить как перфектум». В качестве примеров ав-

тор приводит: «вскую остави мя» и «вскую оставил мя еси» (Пс. 21:2). Или: «исцели мя» и «исцелил мя еси» (Пс. 29:3). И т.д.

Напомню, что аорист – это видовременная форма глагола, в ряде индоевропейских языков обозначающая действие, отнесенное к прошлому. Например, церковнославянское и древнерусское «положихъ» – «я положил». Но только ли строго к прошлому? Аористом также выражено понятие о вечном бытии Троицаго Бога – безвременном, безначальном и безконечном. В Евангелии от Иоанна: «Искони бе Слово, и Слово бе от Бога, и Слово бе Бог» (Иоанн 1:1).

При этом надо вспомнить, что замечать аорист перфектом начал еще за столетие до раскола преподобный Максим Грек, и именно за это он был отправлен в заключение – а вовсе не за возражения против второго брака

* Статья публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. *Ред.*

Василия III, как принято считать. Также очень важно, что сам преподобный в конце жизни признал такие переводы ошибочными.

Здесь важно само понятие Логоса. Сегодня этим словом обозначают всё что угодно. Не мудрствуя лукаво «миссионеры», например, когда пытаются перевести Евангелие от Иоанна на китайский, переводят *Логос* как *дао*. Между тем *дао* на самом деле не только не может быть адекватно чисто западному *логосу*, но и есть вообще-то нечто ему противоположное (если применительно к восточному мышлению вообще можно говорить о «противоположностях»).

«Логос, — пишет Александр Дугин в книге “Логос и мифос”, — это рациональная деятельность, которая конституирует субъекты (сознание) и объекты (вещи), строго разделенные между собой. <...> Все законы логики построены на жестком принципе разделения, расчленения, разведения пропозиций по жестко структурированной, ясно и четко увиденной схеме». Таким образом, в греческой философии «логос» — это и «закон», и «понятие», но в то же время и прежде всего «разделение»,

Древнерусское Слово, как Христос, с одной стороны, вбирает в себя греческие и иудейские именованья, с другой — выводит Его за их рамки («несть еллина ни иудея» (Кол. 3:11)) и рождает самостоятельно христианский (а не иудео- или еллино-христианский) смысл, и он же оказывается Русским.

«отделение», «жатва». Всё это может быть именованьями Иисуса Христа, но они никак не объемлют его Воплощения, Воскресения и бытия как Царя и Спаса душам нашим. Вот что говорит епископ Кассиан (Безобразов) в книге «Водою, и кровию, и духом. Толкование на Евангелие от Иоанна»: «Большинство современных ученых не сомневаются в том, что корни иоанновского учения о Логосе как Божественном посреднике творения и откровения надо искать в Ветхом Завете и в иудейском богословии новозаветной эпохи. Таково прежде всего понятие Торы в переводе [семидесяти толковников]: <...> закон — как Слово Божие и как выражение Его Премудрости. В Торе, в раввинистической письменности и Премудрости, в Притчах Соломоновых (ср.: 8:22–30) и в большей мере в неканонических книгах Ветхого Завета (ср.: Прем. 7:24–8:1 и др.) усваивается личное, в богословской терминологии ипостасное, бытие.

<...> И однако мы не имеем права забывать, что термин “Логос” возник в греческой философии. Он встречается впервые у Гераклита и окончательно закрепляется в стоицизме. Стоицизм (наряду с платонизмом) представляет собою ту почву, на которой выросла и философия Филона, а значит, и его учение о Логосе. Но если, как было сказано, филоновский Логос не является родоначальником иоанновского Логоса, то же относится и к предшественникам Филона. В историческом контексте греческой философии иоанновский Логос не получает надлежащего объяснения».

Согласно Житию святого Кирилла (Константина), «просветителя словенского», святой прежде своей миссии «дошел до Корсуня <...> обрете же ту Еуангелие и Псалтырь, рускыми письмены писано, и человека обреть, глаголюща тою беседою». Итак, прежде «моравских братьев» Евангелие и Псалтырь уже были на-

писаны по-русски и русскими буквами, которым и обучился Константин (Кирил): «Грамота рускаа явилась Богом дана руску, от нея же научился Константин», — гласит Толковая Палея.

Древнерусское Слово, как Христос, с одной стороны, вбирает в себя греческие и иудейские именованья, с другой — выводит Его за их рамки («несть еллина ни иудея» (Кол. 3:11)) и рождает самостоятельно христианский (а не иудео- или еллино-христианский) смысл, и он же оказывается Русским. «Слово» соединяется, «перетекая», со «Слава», что есть персидское, то есть древнеарийское, «Хварно» — свет, нимб, сияние (особенно Царя, Помазанника-Христа). «Русский Христос» — это именно Христос как Бог и Сын Божий, а не только и не столько как «закон» или «разделение» (даже добра и зла). «Греческий Христос» — «логический», «богословско-дискурсивный», проповедующий и разделяющий (родителей и детей, мужа и жену), несущий «не мир <...> но меч» (Матф. 10:34). И Русский Спас во Славе, Спас в Силах, Христос Воскресший, «Царь Мирове и Спас душам нашим»... Притом что речь идет об одном и том же Христе Иисусе, Сыне Бога Живаго.

Для русского текста крайне важно также слово «искони»: «Исконно или искони бе нареч. испокон, исперва, сначала века, извека, исстари, издавна, с давнишних лет, со стародавних времен. <...> Искон м. начало, говоря о времени, первобытность. Исконный, изначальный, вековечный (прошлый), стародавний, исстари заведенный, испоконный. Исконник м. исконный житель, родович, коренной обыватель, от предков», — согласно Владимиру Далю.

Крайне важно поэтому, что Слово было, есть и будет от

Бога и Бог, а не просто «было когда-то». А между тем в «никоновом» славянском переводе «искони» уже заменено на «в начале». А в синодальном русском — вот так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога» (Иоанн 1:1-2). Понятно, что речь в этом случае, как получается, идет не о вечном, а о разовом «творении» — в духе деизма. В таком случае, уж если переводить на современный язык, то примерно так: «Искони — Слово, и Слово у Бога, и Слово — Бог».

Перевода на современный русский — ни синодального, ни какого иного — нет. Скажем так: он мог бы быть — в сослагательном наклонении, — уж если переводить... «Хорошо бы, если бы...» В Древнем мире (Индия, Китай, Персия) даже правовая норма не носила характера строгой императивности и тоже звучала в сослагательном наклонении («дхармическое право»). И только Ветхий Завет и римское право собственности сложили современную норму «если — то — иначе». Как и «греко-иудейское» (по выражению современного «историка будущего» Жака Аттали; раньше, до его нового прочтения, сказали бы «эллинистическое») понимание Логоса — плод той же эпохи и того же «месторазвития» — Средиземноморья. Древнерусский текст — «северный», «венд(инд)ий», если угодно.

«Никонова справа» была одним из — но крайне важным — этапом средиземноморского освоения севера. Всё, конечно, началось гораздо раньше. Сегодня, когда погибли или были уничтожены не только артефакты, но и многие письменные свидетельства, нам остается только язык. Вот, в частности, как пишет о том, что было «гораздо раньше», Александр Дугин в книге «Мар-

тин Хайдеггер и возможность русской философии»: «Русское “бы”, со всем его внутренним сомнением и сослагательностью, в то же самое время является совершенно утвердительным, уверенным в себе, провозглашающим без всякого колебания русскую истину: то, что должно было бы быть, то и есть, и есть даже то, чего не должно было бы быть; то, что могло бы быть, есть, и есть то, чего не могло бы быть. <...> “Бы” в русском языке переворачивает законы субъективности. Сослагательное безусловно верно, безусловно верное же — сослагательно. Об этом свидетельствует косвенно и сама замена архаичной формы: бимь, би, бимь, бисте, бя — на соответствующие формы аориста: быхь, бы, быхом, бысте, бьяшя. Почувствуйте, как незаметно сомнение, сослагательность сменились аористой уверенностью». Уверенностью в духе *Drang nach Osten* в каком-то смысле...

Но, по сути, о той же свободной «сослагательности» и «все-возможности» и ея гибели — с противоположной, крайней юго-западной, переходящей в крайний восток точки Планетарного Архипелага — говорит и Мигель Серрано: «Невозможно проникнуть в тайну первоначального взрыва (*Big Bang*). По аналогии с историей атомной бомбы мы можем сделать вывод, что именно здесь заключено начало зла, начало извращения науки и технологии. Тот, кто произвел Первовзрыв во Вселенной, видимой земными, телесными очами, сделал это из злых побуждений, даже если это и был результат случая, случайности. <...> Это — империализм материи, Вселенной видимого света и ее неумолимых законов. Это — вторжение, происходящее за счет того, что представляется Ничем, но что в действительности яв-

ляется Иной Вселенной, управляемой не механическими законами Взрыва, а “иными законами” или же “вообще без закона”, как определил это Ницше. Назовем эту Вселенную Вселенной Духа».

Почему мы проводим здесь аналогию с таким понятием современной физической космологии, как Большой взрыв (*Big Bang*)? Обратимся снова к Мигелю Серрано: «Если верно то, что исток видимой Вселенной во Взрыве, то очевидно, что “ничто” предшествовало Взрыву, нечто, что находилось по ту сторону и потом взорвалось. Даже если это было само Ничто, а точнее, Иная Вселенная, недоступная материальному взору, иная материя. В какой-то точке Вселенной, в пространственно-временном комплексе, управляемом “иными законами” или “вообще без закона”. <...> Почему это случилось? Было ли это простой случайностью или Некто спровоцировал это? Захотев выйти из вечности, из Ничто, чтобы произвести на свет эту дурную копию чего-то иного, что было невидимым, но бессмертным, прекрасным, вечным. <...> И тот, кто сделал это, кто распространил этот мир, ставший мало-помалу жестоким и чудовищным продуктом вырождения, кто породил эту бессмыслицу, эту “сказку, рассказанную идиотом” <...> был Роботом, Демоном, Демиургом, Иллюзией, существом, лишенным онтологической реальности, Майей. И это существо способно выжить в согласии со своими собственными механическими законами гравитационной энтропии лишь благодаря жертве бессмертных, высасывая их энергию и выпивая их священную кровь. И эта мертвая Вселенная продолжает разрастаться вплоть до параллельных и противоположных миров». Некоторых может

Иван Салтанов. Кийский крест с предстоящими. 1670-е годы

«Никонова справа» была одним из – но крайне важным – этапом средиземноморского освоения севера. Всё, конечно, началось гораздо раньше. Сегодня, когда погибли или были уничтожены не только артефакты, но и многие письменные свидетельства, нам остается только язык.

смутить «терминология» дона Мигеля. Не будем сейчас спорить об этом, рассмотрим по существу. С точки зрения современных научных представлений, Все-

ленная образовалась мгновенно, она расширяется и в конечном итоге рассыпается на атомы и частицы, растворяясь, таким образом, в Ничто. Сейчас это ни ставится под сомне-

В 1927 году аббат Жорж Леметр (на фото с Эйнштейном) прямо увязал *Большой взрыв* с библейской идеей творения *ex nihilo*, которая, кстати, содержится в Писании не в Книге Бытия, а в очень поздних Книгах Маккавейских.

ние, постоянно тиражируется в массы. У нас в стране, по крайней мере.

Теория Большого взрыва берет свое начало в революционном большевистском Петрограде, где в 1922 году советский физик Александр Фридман опубликовал «нестационарные

решения» гравитационного уравнения Эйнштейна, предсказал расширение Вселенной (так называемое решение Фридмана). И сделал вывод, что в самом начале вся материя Вселенной была сосредоточена в компактной области, из которой и

начала свой разлет. Он первым и употребил выражение «Большой взрыв». В 1927 году католический аббат Жорж Леметр опубликовал статью «Однородная Вселенная постоянного радиуса, объясняющая радиальные скорости внегалактических туманностей». Леметр прямо увязал *Big Bang* с библейской идеей творения *ex nihilo*, которая, кстати, содержится в Писании не в Книге Бытия, а в очень поздних Книгах Маккавейских. 22 ноября 1951 года римский папа Пий XII объявил, что теория Большого взрыва не противоречит католическим представлениям о создании мира. В дальнейшем католические богословы прямо повторяли версию аббата Леметра. В сегодняшнем православии также существует в целом положительное отношение к этой теории. И консервативные протестантские конфессии приветствовали теорию Большого взрыва как поддерживающую историческую интерпретацию учения о творении *ex nihilo* — противопоставляя ему «языческие» концепции «эманационизма» (создания мира «из недр Божиих», *ex Deo*) и манифестационизма («проявления», «недвойственности», «всего во всём»). При этом само время — темпоральность — жестко отождествляется с линейным временем сотворенной «расширяющейся Вселенной». В социально-историческом отображении это означает прежде всего оправдание прогресса.

Ален де Бенуа в «Краткой истории идеи прогресса» пишет: «Идея прогресса является одной из теоретических предпосылок Модерна. Не без причины ее часто называют “подлинной религией западной цивилизации”. Исторически эта идея была сформулирована приблизительно в 1680 году в ходе спора “ревнителей древ-

ности” и “современников”.
 <...> Теоретики прогресса
 <...> согласны с тремя ключевыми идеями:

- ◆ линейной концепцией времени и идеей о том, что история имеет смысл, устремленный в будущее;
- ◆ идеей фундаментального единства человечества, эволюционирующего в одном и том же направлении;
- ◆ идеей о том, что мир может и должен быть трансформирован, — идеей, подразумевающей, что человек является полноправным хозяином природы.

Эти три идеи обязаны своим появлением христианству. Начиная с XVII века, с расцветом науки и техники, они переформулируются в светском ключе».

Если «идея прогресса» укоренена в Творении, а Творение есть Большой взрыв, то всё, как кажется, встает на свои места, и все (в том числе и изложенные выше) выкладки в области языка должны быть отвергнуты — как «реакционные». Но и «реакция» в этом случае не может «бездействовать».

Следует заметить, что теория Большого взрыва действительно подвергалась критике при двух «недемократических» режимах XX века. Во-первых, в СССР начиная с середины 30-х и вплоть до конца 80-х — разумеется, с позиций «диалектико-материалистического учения о бесконечности и вечности Вселенной» (на самом деле исполнявшего чисто «консервирующую» роль против «яда Запада», в том числе революционного наследия советских 20-х). Во-вторых, в Германии 30-х, где, в частности, крупнейший физик и философ Карл Фридрих фон Вайцзеккер (ученик и сотрудник Нильса Бора и Вернера Гейзенберга) говорил, что «общество, которое принимает идею, что происхождение кос-

моса может быть объяснено на основе взрыва, открывает нам более суть самого общества, чем познание Вселенной». Добавим, и суть «прогресса».

В СССР видели (или считали, что видели) «буржуазно-клерикальную» подоплеку Большого взрыва, а в Третьем рейхе — «расовую». В конце концов, и советские, и германские ученые «прогноулись под изменчивый мир». Еще в 70-е крупные советские физики Евгений Лившиц и Исаак Халатников — без сомнения, выполняя не столько политическое, сколько «метафизическое» задание, — доказывали, что Большого взрыва не было и Вселенная однородна. Но если германское «сопротив-

ление» имело за собой особую онтологию, то с советским всё выглядело несколько иначе. Метафизически советская и ватиканская «картины» были сходны. И та и другая исходили (а ватиканская и сейчас исходит) из принципа однородности. Креационистская — из однородности времени, «диалектико-материалистическая» — из однородности пространства. Это выявляет их глубинное метафизическое родство.

В 1981 году папа Иоанн Павел II созвал в Ватикане международную конференцию космологов, посвященную теории Большого взрыва. Глава Римско-католической церкви и одновременно один из важнейших — наряду, например, с академиком Сахаровым — лидеров «морального человечества» желал услышать от ученых подтверждения идей о Большом взрыве именно как о Божием творении, прежде всего времени. Это должно было

Карл Фридрих фон Вайцзеккер (ученик и сотрудник Нильса Бора и Вернера Гейзенберга) говорил, что «общество, которое принимает идею, что происхождение космоса может быть объяснено на основе взрыва, открывает нам более суть самого общества, чем познание Вселенной».

официально «освятить» теорию прогресса, противопоставив ее «тоталитаризму». Всё, однако, оказалось не так просто. Приглашенный на конференцию выдающийся физик-теоретик Стивен Хокинг в большом докладе впервые обнародовал свою теорию мнимого времени (*imaginary time*), существовавшего прежде Большого взрыва, вне его и существующего вне актуального линейного времени. Мнимое время оказывается фундаментальным по отношению к линейному, возникающему в связи с Большим взрывом. Несмотря на то что сам Хокинг — агностик (точнее, он считает, что как ученый должен «отмысливать» вопрос о бытии Бога), его открытие оказалось едва ли не основным для понимания сути Творения — и отнюдь не в пользу ни Ватикана, ни советского диамата, который, правда, уже был близок к самоисчерпанию. Хотел того Хо-

кинг или нет, он указал на возможность «третьего пути» — и религиозного, и научного. Неожиданно на доклад Хокинга и вообще на его исследования отозвался русский православный епископ Василий (Родзянко), написавший в связи с этим столь же неожиданную книгу «Теория распада Вселенной и вера Отцов». Книга начинается с общеизвестного, однако сегодня — в общем контексте «мировой религиозности» — звучащего почти «экстремистски», «гностически». Однако это никакой не «гностицизм», а самое простое каноническое православие. «Мир сей, в котором мы живем, не был сотворен Богом, — пишет епископ Василий. — Бог зла не творил, а в мире сем, как мы знаем, зла хоть отбавляй. Его источник не Бог, а “князь мира сего” (Иоанн 12:31; 16:11). Но есть Мир Истинный — подлинный Мир Божий». Нашу Вселенную епископ Василий называет «второй Вселенной», возникшей «в результате катастрофического отпадения от Божиего Мира — в результате “Большого взрыва”». Согласно епископу Василию, как легко видеть, «Большой взрыв» тождествен грехопадению, вызванному действием Змия. «Создав бо человека, — цитирует епископ Василий святителя Василия Великого, — положил еси в раи сладости, бессмертие жизни <...> обещав ему, но <...> прелестию змиевою привлекшася, умерщвлена же своими прегрешеньми, изгнал еси его праведным Твоим судом, Боже, от рая в мир сей». И разъясняет: «Разница в том, что мир сей — “века сего”, а Царство Божие “прежде всех век” и — “в конце времен”, то есть вне времени, и над временем, и вне пространства. Время, оторванное от вечности (линейное время. — В.К.) <...> оказалось (в соотношении с материей и

энергией) в этом мире тем, что составило основу для временного пребывания в мире сем».

Более того, оказывается, что история (линейная история того, что называется сегодня «библейским проектом», не тождественным, однако, Библии в целом) с ее линейным «августиновым» временем оказывается тоже результатом действия Змия. Или, по яркому определению дона Мигеля, «сказкой, рассказанной идиотом». Епископ Василий в связи с этим конкретизирует: «Нельзя не согласиться с предостережением против попыток исторически связать обнаруженных наукой генетических предков всех людей нашей планеты с библейскими Адамом и Евой — по той простой причине, что их творение в Раю не включается ни в какую историю нашей планеты: между этим творением и предками, обнаруженными на нашей планете, лежит бездна грехопадения. Игнорировать эту бездну нельзя».

История есть движение к антихристу и борьба с «удерживающим», стремление любую цену «обрушить» его. Поняв это, мы легко поймем и нарочито общее стремление «науки и религии» отождествить «творение из ничто» с началом времени и началом «этой Вселенной», приближая такое толкование не столько к Бытию, где ничего этого нет, сколько к Маккавеем. Между тем в «Беседах на Шестоднев» святителя Василия Великого (как и вообще у Каппадокийцев) всё выглядит совершенно иначе: «Поелику начало естественным образом предшествовало тому, что от начала, то повествующий о вещах, получивших бытие во времени, по необходимости всему предпоставил это выражение: в начале сотворил. Было нечто, как, вероятно, и прежде сего мира; но

сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное премирным силам, превышее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания — мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря: ибо им создано всё видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли (Кол. 1:16) и ангельские воинства, и архангельские чиновачалия», — отмечает епископ Василий. Здесь говорится и о Бытии «прежде всех век», и о «Бытии во времени», но до грехопадения. То есть в еще не линейном времени. В современной физике существует так называемая струнная космология, в рамках которой вводится так называемое дилатонное поле, кванты которого, в отличие, например, от электромагнитного поля, не являются безмассовыми, поэтому влияние данного поля существенно лишь на расстояниях порядка размера элементарных частиц или на ранней стадии развития Вселенной. Из теории струн следует, что Вселенная должна иметь минимально допустимый размер. Этот вывод меняет представление о структуре Вселенной непосредственно в момент Большого взрыва, для которого в стандартной модели получается нулевой размер Вселенной. Вообще особенность теории

струн состоит в том, что в ней, по-видимому, геометрия пространства-времени не фундаментальна, а появляется в теории на больших масштабах или при слабой связи. Современный русский физик-теоретик Дмитрий Поляков идет еще дальше: «Необходимо признать, что наше пространство-время не четырехмерно (как это кажется наивному наблюдателю), но мы живем в десяти измерениях. Сохранение R-симметрии на квантовом уровне тесно связано с существованием Духов (так называемых духов Фаддеева-Попова). Духи — это поля (волны, вибрации, частицы), вероятность наблюдения которых отрицательна. Для рационалиста это, конечно же, абсурд: ведь классическая вероятность любого события лежит всегда между 0 (когда событие наверняка не произойдет) и 1 (когда, напротив, оно произойдет наверняка). Вероятность появления Духов, однако, отрицательна. Таково одно из возможных определений Духов. Апофатическое определение» (для удобства чтения незначительно отредактировано. — В.К.). Всё это уже гораздо более мощно и фундаментально, чем *imaginary time* у Хокинга.

Само описание Большого взрыва тоже сильно корректируется. В частности, оказывается, что «в начальный момент, при Большом взрыве, Вселенная уже вращалась и это движение, судя по всему, оставило отпечаток в наблюдаемом ныне космосе». Таков вывод опубликованного недавно исследования. В рамках международного проекта «Цифровой обзор неба Слоана» (*Sloan Digital Sky Survey*) ученые каталогизировали направление вращения более 15 тысяч спиральных галактик, правда, пока только в одной части неба — со стороны север-

ного полюса Млечного Пути. Выяснилось, что наблюдается превышение левосторонних галактик с вращением против часовой стрелки. Эффект выходит за границы 600 миллионов световых лет от Земли. Автор работы Майкл Лонго говорит: «Избыток небольшой, около семи процентов, но шанс, что это может быть случайностью, — один на миллион. Эти результаты чрезвычайно важны, поскольку противоречат почти общепринятому мнению, что на достаточ-

Стивен Хокинг (на фото) обнародовал свою теорию мнимого времени (*imaginary time*), существовавшего прежде Большого взрыва, вне его и существующего вне актуального линейного времени. Мнимое время оказывается фундаментальным по отношению к линейному, возникающему в связи с Большим взрывом.

но больших масштабах Вселенная изотропна, без специального направления. Теперь похоже, что такое нарушение симметрии произошло из-за первоначального вращения Вселенной, передавшегося затем разбегающемуся во все стороны веществу и в конечном счете галактикам».

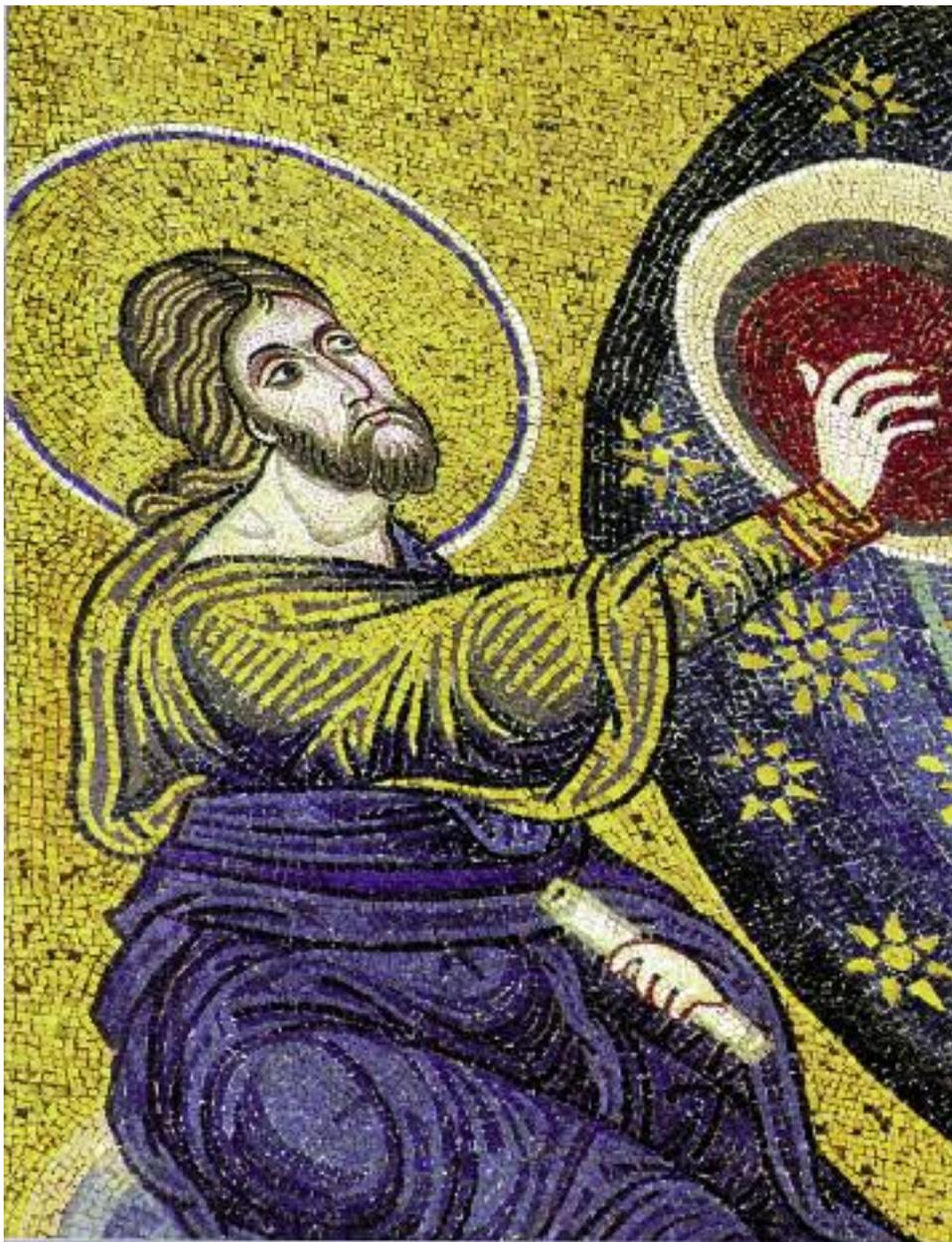
На стадии Большого взрыва — грехопадения (но не Творения) — происходит переход от циклического правремени (уже не Вечности) к линейному времени. Но это парадоксальным образом происходит потому, что линейное время и связанное с ним понятие Ничто (*nihil, ouk-on* — в противопоставлении *me-on*, Небытию как Всевозможности) выбрано самим человеком — и в Раю (под воздействием Змия), и в истории (под воздействием «рептильной множественности»). В этом проявление также используемого современной физикой (начиная с «позиции наблюдателя») так называемого антропного принципа, на который ссылается и епископ Василий. Это — Адам как Всецеловек, а не как «генетический первопредок». «Вы-

бор Адама» лишь дублируется в истории при переходе к Новому времени.

У владыки Василия написано прямо: «Это сказалось во всей силе на начале средневековой схоластики, когда Фома Аквинат “закрепил” наш падший мир философией Аристотеля как тождественный сотворенному Богом миру вначале и сразу же оказавшийся под действием предопределенных законов природы».

Но, конечно, «никонова справа» не ограничивалась смелой аориста на перфект. Многие (в том числе и автор этих строк) уже неоднократно указывали, что важнейшей правкой при реформах была замена в Седьмом члене Символа веры слов «Егоже Царствию несть конца» на «Егоже царствию не будет конца». С греческого оригинала Седьмой член Символа веры можно перевести как «нет и не будет», то есть в конечном счете тоже «несть». В латинском же *Credo* о «Его Царствии» не говорится вообще ничего. То есть перед нами просто «самочинная» правка. Впрочем, самочинная ли?

Фрагмент мозаики в Монреале. Последняя четверть XII века

Епископ Василий (Родзянко):

«Мир сей, в котором мы живем, не был сотворен Богом, – пишет епископ Василий. – Бог зла не творил, а в мире сем, как мы знаем, зла хоть отбавляй. Его источник не Бог, а “князь мира сего” (Иоанн 12:31; 16:11). Но есть Мир Истинный – подлинный Мир Божий». Нашу Вселенную епископ Василий называет «второй Вселенной», возникшей «в результате катастрофического отпадения от Божиего Мира – в результате “Большого взрыва”».

Вспомним, кем были справщики. Например, Арсений Грек, сменивший иудейство на православие, затем православие на католичество, а затем «вернувшийся» обратно в православие. Или добавивший к этим (точно таким же) перехо-

дам еще и временное пребывание в исламе и, по некоторым сведениям, еще и содомит, «Газский митрополит» Паисий Лигарид. Оба пытались, по сути, еще тогда спровоцировать мировую войну под видом «освобождения»

Константинополя в интересах Ватикана и использовали для этого патриарха Никона. Но вскоре «сдали» его – заблуждающегося, но легитимного Русского Первопрестолователя – «разбойничьему собору» 1666-1667 годов. Ну, и еще легион таких же – с ними прибывших в Москву.

«Мир держится на скрепах литургических», – писал о. Павел Флоренский. Всё произносимое во время богослужения, при принесении Безкровной Жертвы становится «строительным материалом» жизни во всех ее проявлениях. «Вечное настоящее» Литургии удерживает ход времени, делает его для Церкви как бы не существующим, создает сакральное время-пространство. Московское Царство – прежде всего в идеологии Третьего Рима – осознает себя как «Удерживающего» – не только от прихода антихриста, но и от самого хода времени, порожденного грехопадением и неминуемо к антихристу стремящегося (как Вселенная при Большом взрыве стремится к распаду и Ничто). «Не будет» вместо «несть» вводит в Россию и Русскую церковь линейное время Запада и соединяет с ним Русское время – ранее замкнутое, статичное и одновременно циклическое в рамках богослужебного круга. Русский раскол XVII века – лишь часть единого процесса. Но если бы Московское царство и Русская церковь сохранили то понимание христианства, которое давало возможность освобождения от «линейности» и оставалось бы «удерживающим ныне» (вместе с православным царем, «Державным»), как клетка, даже тюрьма для языческого Хроноса, – всё могло бы сложиться иначе, причем без какого-либо ущерба для мощи Московского государства (вопреки утверждениям «модернизаторов»), поскольку связь

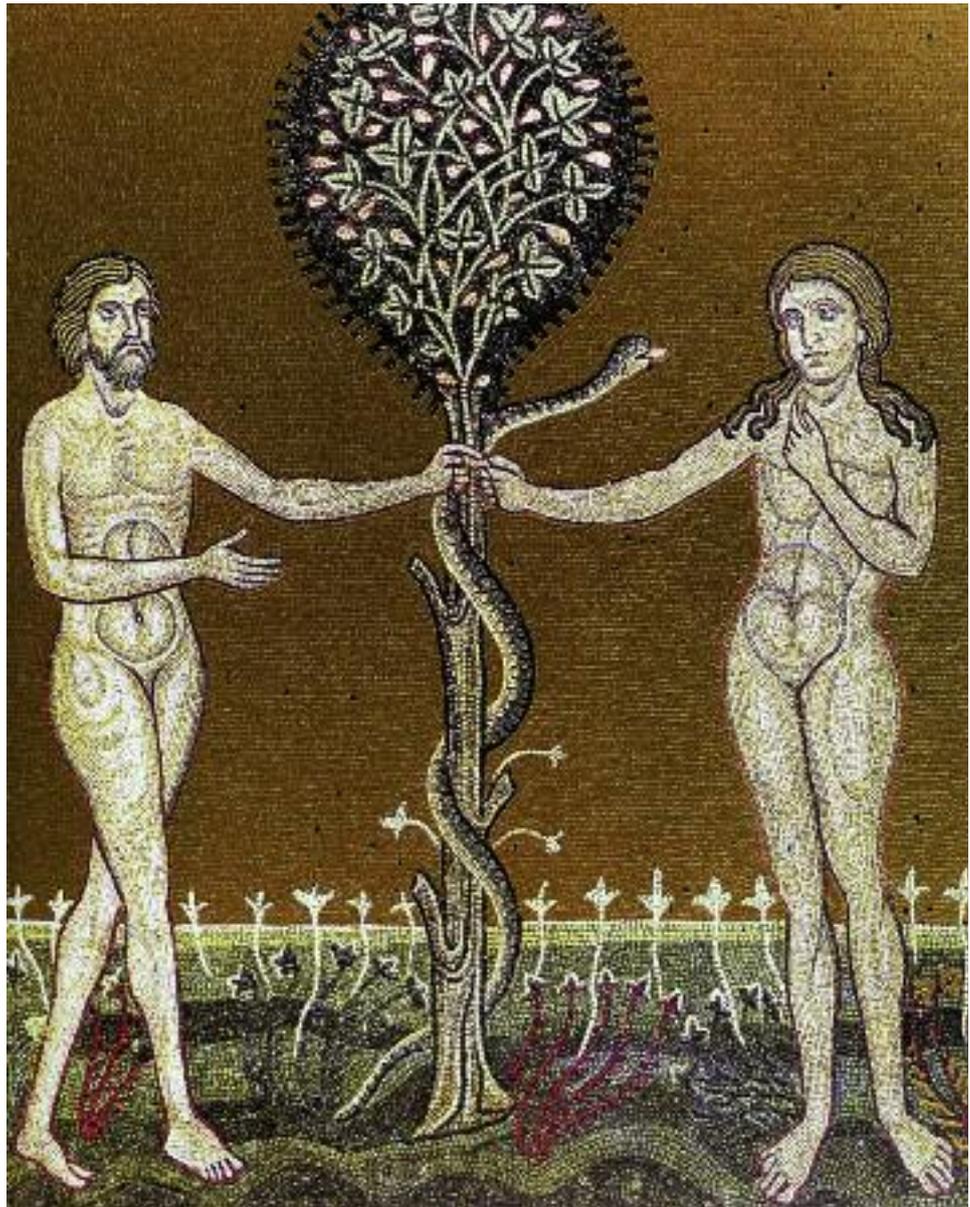
военно-государственной силы с «религией прогресса» недоказуема и есть такой же предмет веры, как и сама «идея прогресса».

Но именно так христианское (и шире — авраамическое) понимание линейного времени приходит к самоотрицанию. Антихрист невозможен без христианства. Христианства с только одной подделкой: самим антихристом вместо Христа. Греческое «анти» означает не только против, но и вместо. Абсолютно, дистиллировано библейская картина мира без какой-либо примеси «язычества», но с фигурой «лжеца» вместо Сына Божия — вот «идеология» «трех с половиной лет» его правления.

Но надо помнить, что внутри христианства сохранялась и совершенно иная — даже противоположная — метафизика. Она сохранялась и «у греков» — в Византии до Флорентийской унии — и была еще более проявлена в Московском царстве до середины XVII века, когда возгласение Царствия Христова как искони и уже не имеющего конца при принесении Безкровной Жертвы было общецерковным и общенародным. При таком положении самоотрицанию христианства, исторически выраженному в фигуре антихриста, как и его предтечам, нет и не может быть места в мире.

Первой из русского языка исчезла связанная с «архаичной формой: бимь, би, бимь, бисте, бя» безусловная сослагательность всевозможности, царящая в пространственно-временном комплексе, управляемом иными законами или вообще без законов, которая была сменена «аористой уверенностью».

Мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем, существовала ли такая безусловная сослагательность прежде исторического хри-

Фрагмент мозаики в Монреале. Последняя четверть XII века

На стадии Большого взрыва — грехопадения (но не Творения) — происходит переход от циклического правремени (уже не Вечности) к линейному времени. Но это парадоксальным образом происходит потому, что линейное время и связанное с ним понятие Ничто (в противопоставлении Небытию как Всевозможности) выбрано самим человеком — и в Раю (под воздействием Змия), и в истории (под воздействием «рептильной множественности»). В этом проявление также используемого современной физикой (начиная с «позиции наблюдателя») так называемого антропного принципа, на который ссылается и епископ Василий.

стианства или в каких-то его формах или она вообще вынесена из «современных глубин». Мигель Серрано называл ее «христианством» как бы в противовес западному «христианству», но это имен-

но западная логика — восточного христианства, православия, тем более русского древлеправославия дон Мигель не знал. И здесь одно незнание (наше) как бы накладывается на другое (его). Но вот что мы

знаем уже точно: «Наличие аориста в церковнославянском языке отвечало собственной христианскому мышлению системе тройственных сопоставлений: “божеское — человеческое — божеское”; “духовное — душевное — плотское”; “аорист — имперфект — перфект”, — пишет цитировавшийся Борисом Кутузовым писатель Николай Коняев. — В этом выражалась самая суть христианской антропологии: человек с его свободной волей, находящийся на тончайшем средостении между бездной божественного бытия и адской бездной». Кутузов разъясняет сказанное Коняевым цитатой из статьи «О содержании наследия равноапостольных Кирилла и Мефодия и его исторических судьбах» исследователя А. Белякова: «Этому, — говорит Беляков, — соответствует и несовершенство, имперфект человеческой жизни и человеческой истории, которые совершаются тогда, когда “времени не будет”, в последнем суде Божиим и воздаянии “комуждо по делам его”. Сатана же проклят от самого его отпадения, то есть еще до начала исторического времени. И все действия его уже осуждены, а потому всецело принадлежат к прошлому и выражаются исключительно перфектом». Далее Николай Коняев пишет: «Очень точно сформулировал похожую мысль еще в XVI веке Иоанн Вишенский, который писал, что “словенский язык <...> простым прилежным чтанием <...> к Богу приводит. <...> Он истинною правдою Божией основан, збудован и огорожен есть <...> а диавол словенский язык ненавидит». А Кутузов дополняет: «Отсюда можно сделать простой логический вывод, что упорная борьба никоновской “правки” с аористом заменой его перфектом преследовала впол-

не сатанинские цели». Являясь лишь звеном в цепочке куда более долгой — добавим здесь и мы.

В связи с вторжением «метафизики прогресса» меняется и русское летописание. Оно отказывается от «паремийных» и «палейных» начал, при которых эпохи перемешиваются, символизируя и объясняя друг друга, и переходит к «нарративности». «В типичном летописном своде XVII века, где повествование начинается с расселения потомков Ноя и заканчивается царствованием Алексея Михайловича, — говорится в диссертационном исследовании Павла Петрухина “Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании”, — первые и последние части настолько отличаются друг от друга, что их почти невозможно представить в составе одного и того же текста. Абсолютно меняются структура и язык повествования, цель, которую ставит перед собой пишущий, — в конечном итоге, само понимание истории. Однако сам факт существования данного текста, несомненно, свидетельствует о том, что он мыслится его автором (или составителем — имеется в виду создатель конкретного списка) как цельное произведение и, следовательно, эти совершенно непохожие друг на друга фрагменты являются (в его понимании) частями единого целого. Принимая во внимание чрезвычайное своеобразие данного типа текстов, целесообразно, прежде чем приступить к непосредственному изучению его морфологических и синтаксических особенностей, попытаться выделить хотя бы самые основные его отличительные черты. Одной из таких черт является нарративность. Летописный текст — нарративный, поскольку в нем описывается последователь-

ность сменяющих друг друга во времени событий. Это текст, повествующий об истории, содержательной доминантой которого является понятие времени».

Соединение времени Третьего Рима с линейным временем Запада стало началом конца Третьего Рима и, безусловно, первым шагом России по пути, если пользоваться современным языком, глобализации. Это было не объективным, а чисто субъективным выбором, персональным — как и всё в истории начиная с «прародительского греха» — выбором манипулируемых лиц. Никакой «объективной необходимости» в этом не было, как нет и в современных «политических решениях» подобного рода (любых — от «уний» до «чипов»), есть только инерция первоначального Большого взрыва. Получается, что борьба между русским и «греко-иудейским» (удивительно, что это становится у «главного теоретика глобализации» основным термином) прочтениями христианства и была главной в Великом расколе XVII века. «Русское» потерпело поражение, а вместе с ним потерпел поражение и весь христианский Премодерн.

Провозглашение теории Большого взрыва в революционном, отрекшемся от Удерживающего — православного Царя — Петрограде глубоко закономерно и было неизбежным. Само наличие Царя было последней нитью, последней скрепой.

История есть движение к антихристу. Сегодня борьба никоновых времен на поле языка возобновлена в современном русском православии. Безусловно, планируемый «новобновленцами» перевод (даже частичный) богослужения на современный язык будет еще одним шагом по пути «грамматики смерти», «грамматики ничто, которое ничтожит».

В то же время мы очевидным образом присутствуем при «задержке» линейной истории, которая так или иначе должна была закончиться в прошлом веке. При этом — продолжает свою мысль о времени в мире сем епископ Василий — именно время становится — промыслительно — способным «дать возможность человеку и самому миру в процессе покаяния и совершенствования, путем постепенного развития вернуться в потерянный Рай». Он говорит о том, что называемое современными учеными антропным принципом и есть Промысел Божий.

Снявши голову, по волосам не плачут? Возможно. Но это противоречит апостольскому учению о Катехоне, о державном. О том, что державное служение на земле есть именно удержание прихода «человека беззакония». Мы не можем — до всеобщего пременения стихий — вернуться к «сослагательной всевозможности». Но вполне можем, говоря словами того же Кутузова, «вернуться ко всему дониконовскому», к «аористой уверенности» — видимо, на краткое в линейном измерении время.

Речь ни в коей мере не идет о призыве к личным переходам в то или иное старообрядческое согласие. Это было бы очередным дроблением, очередным, по словам епископа Василия, «осколком». Речь идет о «старообрядной прививке» всей Русской церкви, переосмыслении всего дораскольного наследия. И — в идеале — о возвращении к нему в его полноте, что, видимо, невозможно также без возвращения полноценной Русской государственности — с устройением Власти, Земли и Церкви по дораскольной «матрице» эпохи Иоаннов, никуда на самом деле не девшейся. Но только не механически архаично, а на основе современной

Юлиан Буцманюк. Проповедь Ивана Вишенского. Фрагмент. 1930-е годы.

Иоанн Вишенский:

«Словенский язык <...> простым прилежным чтением <...> к Богу приводит. <...> Он истинною правдою Божией основан, збудован и огорожен есть <...> а диавол словенский язык ненавидит».

научно-технической, геополитической и военно-политической реальности. Это было бы провозглашением безконечности и вечности

Царствия Небесного, ему же несть конца. Его «поклонной иконой», вынесенной в мир сей прежде собственно в Него, Царствие, вхождения. ☩